

© Е. А. Петухова, А. Е. Козлов

УДК 821.161.1

ПОВЕСТЬ А.И. ГЕРЦЕНА «ЛЕГЕНДА»: СЮЖЕТ, ПОВЕСТВОВАНИЕ, ИНТЕРТЕКСТ

Е. А. Петухова, А. Е. Козлов (Новосибирск, Россия)

Статья посвящена изучению интертекстуальных и нарративных особенностей повести А. И. Герцена «Легенда». Написанная в 1835 году «Легенда» отражает эстетические и философские взгляды молодого писателя. Первая часть статьи представляет сравнительный анализ повести Гёте «Праздник святого Рохуса в Бингене» и «Легенды» Герцена. Проведенный анализ показывает общность повествовательной модели и позволяет сделать вывод об ученическом характере произведения Герцена. Далее рассматриваются житийные сюжеты (в изложении Ф. Черниговского и Д. Ростовского), которые изучаются как первоисточник повести. Писатель заимствует формальные структуры, однако значительно изменяет содержание сюжета. В его тексте жизнеописание св. Феодоры получает иное истолкование, за счет чего произведение может быть названо «опытом секуляризации и профанации» духовной литературы. В следующей части статьи произведение рассматривается в контексте дальнейшего развития русской литературы, в частности, «Легенда» сравнивается с романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и стихотворением в прозе И.С. Тургенева «Порог». Совпадение отдельных мотивов и общность философской установки позволяет применить в интерпретации текстов теорию интертекстуальности, сформулированную Р. Бартом. Сюжет Герцена представляет одну из множества анонимных формул, которые являются своеобразной скрепой во взаимодействии различных культурных уровней. В завершение статьи утверждается, что изучение «Легенды» Герцена позволяет описать особенности читательского сознания, мировидение и мировоззрение писателей 30-40-х годов XIX века.

Ключевые слова: повествование, сюжет, интертекстуальность, классическая русская литература, А.И. Герцен

* Автор работы – Петухова Е. А. – получила первое место на XXXII Открытой городской научно-практической конференции школьников НОУ «Сибирь» в секции «Литературоведение» (2013, Новосибирск) и стала лауреатом в Седьмом Всероссийском конкурсе достижений "Национальное достояние России" (2013, Москва).

Петухова Елизавета Артуровна – учащаяся МАОУ гимназии № 6, «Горноста́й».

Козлов Алексей Евгеньевич – аспирант кафедры русской литературы и теории литературы, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: kozlov89@icloud.com

Настоящее исследование посвящено изучению сюжетных особенностей повести А. И. Герцена «Легенда». В частности, предметом исследования являются трансформации существующих сюжетных моделей, интертекстуальность произведения (в широком смысле этого слова) и способы повествования.

Рассматриваемое в статье произведение до недавнего времени не привлекало внимания исследователей. Воздвигнутый в советском литературоведении ореол писателя-демократа, преемника идей декабристов, мученика-изгнанника требовал определенного подтверждения на уровне жизни, философии, творчества. Если в публицистических и критических работах такое подтверждение находится, в случае анализа художественной литературы, или беллетристики Герцена, это представление нельзя назвать бесспорным и очевидным.

В творчестве Герцена наблюдаются тенденции, характерные для литературы конца 30-х, начала 40-х гг. XIX в. Новое поколение писателей в поисках реалистического направления отталкивалось от существующих в литературе моделей, зачастую ориентируясь на духовную литературу и тексты религиозной тематики [11]. Многие современники Герцена находили в таких произведениях богатую метафорику, которая использовалась для утверждения новых оснований в искусстве [15]. Говоря о романтических мотивах прозы А. И. Герцена, Г. И. Мельникова пишет: «Широкое развитие романтической антитезы – романтический возвышенный герой и толпа – представлено во всех произведениях писателя в 30-е годы (“Легенда”, “Первая встреча”, “Елена”). В них ощутим подлинный интерес к внутренней, духовной жизни молодого романтического героя – носителя

светлых порывов, высоких страстей и надежд» [12, с. 27]. Описывая кружок Н. В. Станкевича, Л. Я. Гинзбург подчеркивает: «Романтики 30-х гг. стремятся придать грандиозность, высший и общий смысл даже интимнейшим, казалось бы, переживаниям. Эти переживания переплетаются и с мечтами об освобождении человечества, и с религиозной фразеологией, столь характерной для ранней стадии утопического социализма (и западного, и русского)» [7, с. 23]. Беллетристика Герцена (в том числе, «Записки одного молодого человека» и роман «Кто виноват?») представляет характерный диалог разных культурных традиций: неслучайно в большинстве произведений писатель цитирует Данте, Шиллера и Гёте.

Написанная в феврале 1835 г. «Легенда» является «ученическим» произведением, в котором отразились характерные искания и колебания между сентиментализмом, романтизмом и утопическим социализмом. Опираясь на жизнеописание св. Феодоры в Четьи-Минеях, Герцен создает повесть, предполагающую иное прочтение и изменение житийного канона. Это жизнеописание – не единственный источник, к которому обращается писатель. Очевиден интерес Герцена к «Сравнительным описаниям...» Плутарха, апокрифическим текстам, отдельным сюжетам Ветхого завета. В тексте неоднократно встречаются отсылки к высказываниям Гёте и его автобиографическим произведениям.

В предисловии к «Легенде» Герцен обращается к словам из повести Гёте «Праздник святого Рохуса в Бингене»: «Легенда, предлагаемая здесь, находится в “Житии святых” за сентябрь месяц. Для чего же я переписал ее? Гёте говорит: “Присутствующие принялись рассказывать

эту легенду, идя навстречу пожеланию... Стало понятным подлинное существо легенды, которая переходит из уст в уста, от одного к другому. Противоречий не было, зато бесконечные варианты, которые, по-видимому, обязаны своим происхождением тому, что чувство каждого по-разному проявляло свое участие к событию» [4, с. 84].

Стремясь создать произведение, соединяющее каноны житийной и светской литературы, Герцен обращается к модели построения текста у Гёте. Как замечает Е. Дрыжакова: «Моделью повествования послужили для него гетевские „Dichtung und Wahrheit“» [8, с. 12]. При этом эксплицируется «ученическая» позиция: повествователь, следуя традиции Гёте, буквально «переписывает» произведение, уподобляясь безгласному автору средневековья.

«Праздник святого Рохуса...» не является примером агиографической литературы; образ, созданный автором, не строго иконичен и соотносится с портретом реального человека, находящегося на трудном и противоречивом жизненном пути. Рохус – долгожданный ребёнок в семье знатного человека. С детства он был смирен и послушен, а, когда его родители умерли, раздал их состояние бедным и уехал в Италию, в госпиталь, где было множество людей, которых он надеялся излечить. Но вскоре болезнь поразила и самого Рохуса, его посчитали прокаженным, изгнали из города. Он укрылся в лесу, где его обнаружил некий граф Готтардус. Граф не отпустил от себя Рохуса, а, когда тот выздоровел, вместе с ним поселился в лесу для служения Богу. Вскоре Рохус решил вернуться в родной город, где его приняли за лазутчика и заключили в темницу. Рохус отказывался от пищи,

изнурял свою плоть бодрствованием и постом, а, почувствовав приближение кончины, просил позвать к себе священника. Пришедший священник увидел в чертах узника «божественное сияние» и поспешил рассказать об этом государю. После смерти Рохуса открылась правда, и умерший был причислен к лику святых.

В сюжете, к которому обращается Гёте, отсутствует грехопадение главного героя. Вся жизнь Рохуса – это путь праведника, в то время как главным, принципиально важным для Герцена, моментом в жизни Феодоры становится кризис перерождения грешника. Осознавая свою вину, Феодора стремится искупить ее, что приводит к очищению, духовному возрождению. Она становится праведницей, а затем – святой.

Жизнеописание Феодоры Александрийской носит характер кризисного жития. Как указывает М. М. Бахтин, «...в раннехристианских кризисных житиях <...> дается обычно только два образа человека, разделенных и соединенных кризисом и перерождением, – образ грешника (до перерождения) и образ праведника – святого (после кризиса и перерождения). Иногда даются и три образа, именно в тех случаях, когда особо выделен и разработан отрезок жизни, посвященный очистительному страданию, аскезе, борьбе с собой» [2, с. 87].

В русской агиографии существует несколько канонических версий жизнеописания св. Феодоры [9]. Согласно комментарию, представленному Л.Я. Гинзбург, «...в основу повести было положено жизнеописание св. Феодоры в Четьи-Минеях Дмитрия Ростовского (от 11 сентября)» [6, с. 491]. Однако допустимо предположение, что наряду с этим вариантом, Герцен мог быть знаком и с другими изложениями (например, изложением

Феодосия Черниговского, апокрифическими вариантами).

В большинстве изложений фабула представляет историю знатной женщины из Александрии, которая, живя в замужестве, совершает грех, нарушив брачную клятву. Раскаиваясь в содеянном, она отправляется в мужской монастырь, где, назвавшись Феодором, посвящает себя служению Богу. Проведя какое-то время в монастыре, Феодора по велению игумена отправляется в Александрию, где ее ожидает новое искушение. Молодая девушка, видя в Феодоре мужчину, решает соблазнить понравившегося ей инока. Получив отказ, девица зачинает от другого человека, а когда рождается ребенок, обвиняет во всём Феодора. Святая берет на себя заботу о ребёнке, видя в этом искупление прошлого греха. Остаток своей жизни она проживает в позоре и гонении, и лишь после её смерти открывается истина.

Рассматривая варианты жития, мы приходим к выводу, что фабульная основа во всех случаях остается неизменной. Общим здесь является момент грехопадения и последующее раскаяние, становящееся причиной ухода от мирской жизни, обращения к Богу, и, затем, принятие на себя чужого греха во имя искупления прошлой вины.

Следует отметить, что в изложении Феодосия Черниговского не названа причина поступка Феодоры, совершённый ею грех никак не объясняется. Димитрий Ростовский, наоборот, описывает соблазнение Феодоры «диаволом». Здесь нечистая сила выступает в роли антропоморфного героя, противопоставленного святой. Видя в деве-искусительнице отражение своей греховной сущности, Феодора оказывается перед выбором, который становится ещё одним

испытанием веры и доказательством перерождения, спасения души. Здесь, вероятно, могли отразиться философские взгляды Димитрия Ростовского, поскольку фабула произведения содержит лейтмотивы его драмы «Кающийся грешник».

Мотив испытания также присутствует во всех вариантах. Однако в изложении Феодосия Черниговского этот мотив связан с испытанием «святой силы» уже принятой в монастырь Феодоры, в то время как Димитрий Ростовский описывает испытание веры, готовности служить Господу не смотря ни на что («Бог ли наставил его придти к нам? Итак, не давай ему ответа до утра и не пускай в монастырь; если он не уйдет, но останется терпеливо при дверях монастырских, ожидая помилования, тогда мы узнаем, что истинно и с усердием пришел он служить Богу» [16, с. 302]).

Как полагает Е. Дрыжакова, «...в Вятке Герцен много читал Тацита, и его идеи о том, что христианство несло обновление разлагающемуся Римскому миру, привлекали его...» [8, с. 10]. Житийный сюжет, к которому обращается писатель, таким образом, значительно трансформируется.

Композиционно «Легенда» разделена на две части: своеобразное предисловие, в котором описывается время, проведённое автором в ссылке, и непосредственно житие святой. В отличие от Гёте, Герцен разъединяет повествуемое событие и событие повествования [18]. Авторское предисловие является нарративной рамкой повести, раскрывающей аллегорическое значение «Легенды». На это указывают и слова автора, которыми оканчивается первая часть: «Забудемте, ради бога, забудемте наш век, перенесемте в эти времена тихого созерцания, в эти времена неба на земле» [4, с. 85]. Повесть разделяется на два

пространства: пространство Феодоры Александрийской, которое существует, казалось бы, согласно житийному канону, и пространство рассказчика, над которым довлеют идеалистические принципы.

В предисловии автор рассказывает о нескольких месяцах тюрьмы, заключении в Крутицких казармах под Москвой. Он говорит об этом времени: «Тюрьма не есть уединение, чувство, что человек выброшен из общества, отрешен от всех его условий, – давит, душа сосредоточивается, занимает наименьшее пространство, уменьшается» [4, с. 82]. Вынужденное заточение становится не только мукой для тела, ограничением физической свободы, но превращается в душевную пытку, делаю человека слабым и безвольным, не способным к сопротивлению и духовному росту. Способом борьбы с апатией и безволием становится медитация – обращение к духовной литературе, сопричастность религиозному знанию.

Сюжет, к которому далее обращается Герцен, значительно секуляризуется. Повествователь исключает из произведения эпизоды, связанные с чудесами и мистическими испытаниями святой (озеро и дикий зверь, чудесное исцеление Феодорой раненого инока, состязание с дьяволом и т.д.), которым в изложении Дмитрия Ростовского уделено большое внимание. Усматривая в житии автобиографические параллели, Герцен демонстрирует готовность человека к отречению от мира, смирению, служению Богу.

Стремление к поиску рационального знания возводит повесть Герцена на новый уровень повествования. Интерес к реальному портрету изменяет традиционное каноническое изображение грешника. Как отмечает В.О. Ключевский, «...житие – не

биография, а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого в житии – не портрет, а икона» [10, с. 335]. Персонаж житийной литературы обычно является символом одного определяющего чувства или качества, выступает преимущественно «...либо абсолютно добрым, либо абсолютно злым» [13, с. 30]. Иным представляется описание святой в повести «Легенда». Путь, которым проводит автор своего героя, близок к житийному канону, однако здесь проявляется человеческий характер, сотканный из противоречий, сложный, но, вместе с тем, подчиненный единому представлению автора о назначении персонажа. Проходя через испытания к обретению истинной веры, Феодора выбирает не только между Богом и Дьяволом, но и между Верным и Неверным, что связано, в первую очередь, не с религиозными представлениями о добре и зле, а с позицией реального человека, жизнь которого лишена прочных и неизменных оснований.

Используя в своей повести традиционную для канонических произведений схему «потеря – поиск – обретение» [3], (или, другими словами, грехопадение, осознание и искупление вины, воскрешение души), Герцен наполняет её новым смыслом. Переосмысливая сюжеты житийной литературы, он превращает «жизнь во славу Божью» в «жизнь ради Идеи». В этом контексте сентенция «Яко же огреби миру быхом, всем поправки доселе...» [4, с. 82], использованная автором в эпиграфе к первой главе повести (данные слова взяты автором из Нового завета: «Хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне» [14, с. 508]), может быть истолкована через представление автора о жизни людей, несущих какую-либо идею в

общество, еще не готовое постичь ее. Такие люди не принимаются современниками, они – сор для мира.

Значительный интерес представляет сюжет, избранный А. И. Герценом, точнее, метаморфоза – превращение Феодоры-женщины в Феодора-мужчину. Такой трансгендерный, транссексуальный характер сюжета, по всей видимости, находит мотивировку в философских взглядах писателя, имплицитно связанных с «женским вопросом» (ср. с судьбой Любви Круциферской в романе «Кто виноват?»). Роль женщины, ее права и жертвенность составляют один из ключевых лейтмотивов повести «Легенда».

Наставляя своего ученика Феодора, игумен рассуждает о женщинах. Он говорит: «...Далила, обрезающая власы Самсона, – вот образ всех женщин. Вспомни, что Сирах боялся их, как ядовитых скорпионов, более, нежели тигра и дракона. Их слабые души, их изнеженные тела привязывают к земле; не имея сил, они коварны; не имея возможности подняться, они держат нас, как жена Потифара, за край одежды. Женщина требовала главу Иоанна, женщина была первая преступница в обществе апостольском...» [4, с. 96]. И хотя Феодора не спорит с игуменом, она не может согласиться с таким суждением: «Сирах же говорит, что женщина добродетельная есть солнце, восходящее на небе господнем, ясный светильник на церковном подсвечнике. И кто распял Его? И кто стоял при кресте? О, ты, ты один справедлив, Сын божий, ты простил даже преступную...» [4, с. 96].

Автор не случайно обращается к фигуре женщины, переодетшейся в мужчину. С одной стороны, образ грешницы, превратившийся в святую, связан с идеальным образом Вечной Женственности –

символом мудрости и любви: «Две любви создали две веси: любовь к себе до презрения бога – весь земную, любовь бога до презрения себя – весь небесную» [4, с. 89] (эти слова Августина Блаженного вынесены в эпиграф к третьей главе повести). С другой, временное «превращение» такой женщины в мужчину приближает недоступный идеал к земному миру. Как Феодора получает возможность служить в мужском монастыре, так и идея святой женской любви, мудрости и самоотречения облагораживает мир.

Метафорическое преобразование Феодоры (от греховного мужского к беспорочному женскому), описанное в повести, могло повлиять на современников А. И. Герцена. Несмотря на то, что повесть не была опубликована в столичных журналах, логично предположить знакомство адресатов Герцена с рукописной версией произведения. В частности, в круг читателей «Легенды» могли входить Н. Г. Чернышевский и И. С. Тургенев.

Иносказание, использованное Герценом для выражения своих идеалистических представлений о социальном переустройстве, в значительной мере развивается в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». В «Четвертом сне Веры Павловны» автор создаёт утопию, показывает рай на земле, основанный на освобождении женщины и любви, которое приводит к освобождению всего человечества. Как и в повести Герцена, фигура женщины становится ключевой, ее образ объединяется с самой Идеей. Интерес представляет своеобразная «эволюция» женщины, показанная автором во сне Веры Павловны. Героине Чернышевского видятся четыре девы: Астарта, Афродита, Непорочность и, наконец, в светлой красавице, ведущей ее через разные эпохи развития человечества, Вера Павловна узнаёт

саму себя – свободную женщину, которая из раболепного бессловесного существа, целиком и полностью подчиняющегося воле мужчины, превратилась в самостоятельного развитого и благородного человека, способного быть независимым и в то же время нести в мир любовь.

Несмотря на то, что, авторы преследуют разные цели, реализуя в произведениях образ женщины, сюжетная модель, используемая ими, одинакова. Чернышевский через развитие женского характера, нравственную и духовную эволюцию выражает утопическое видение будущего справедливого мира. Герцен, проводя свою героиню через испытания веры и души, приводит ее к преображению. Феодора-грешница,

раскаившаяся и выстрадавшая прощение, взявшая на себя чужой грех, взрастившая в любви невинный плод этого греха, превращается в святую Феодору. Теперь мир признал ее, и через это признание преобразился сам. И в том, и в другом случае аллегорический смысл испытания превращает происходящее с героинями в грандиозный гимн женщине. Мечты авторов об освобождении человечества переплетаются с религиозной фразеологией, становясь своеобразной концепцией построения нового идеального мира.

Ростки данного сюжета можно наблюдать и в стихотворении в прозе «Порог» И.С. Тургенева. В «Пороге» сюжет о выборе женщины представляет «лиминальную» фазу: героиня (подобно Елене, отвечающей на вопросы Инсарова) отрекается от себя во имя «Идеи». Тургенев показывает возникающий диссонанс: «– Дура! – проскрежетал кто-то сзади. – Святая! – принеслось откуда-то в ответ» [17, с. 147]. Две разные точки зрения на женщину

объединяются мотивом жертвенности и самоотречения.

Существующая взаимосвязь «Легенды», романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и стихотворения в прозе И. С. Тургенева может объясняться двояко. С одной стороны, если предположить «закрытость» «Легенды» для современников, общность мотивов могла быть обусловлена наличием единого первоисточника. Таким источником оказываются аллегорические сочинения Сен-Симона. С другой стороны, данный сюжет, представляя универсалию, неоднократно изменяется и транслируется в классической русской литературе, генетически связанной с духовной литературой. Сюжеты о блуднице и преображении падшей женщины неоднократно используются Ф. М. Достоевским («Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы»), Н. С. Лесковым («На ножах», «Скоморох Памфалон», «Прекрасная Аза», «Мария Египетская»).

В конечном итоге к изучению «Легенды» А. И. Герцена можно применить концепцию Р. Барта. Рассматривая литературу в призме постоянного культурного диалога и сопряжения различных традиций, французский ученый приходит к выводу: «Интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить» [1, с. 107].

Динамическое соотношение фабулы и сюжета в повести Герцена порождает устойчивую семантическую связь разных культурных пластов. Основываясь на материалах житийной литературы, «Легенда» являет собой совокупность культурно-исторических мотивов, связанных с идеями нравственного возрождения человека,

совершенствования мира, свободы и равенства всех людей.

В заключение отметим, что «Легенда» Герцена представляет авторскую, значительно секуляризованную версию жития. Житийный сюжет понят Герценом через Тацита и Плутарха, за счет чего актуализируются многочисленные коннотации и происходит вытеснение жизни «во славу Божью» жизнью «ради Идеи». Отталкиваясь от религиозного первоисточника, Герцен наделяет его смыслами, почерпнутыми из романтической и сентименталистской литературы. Использование повествовательной модели, отчасти заимствованной у И. Гёте, отражает литературную рефлексию и актуализирует внутреннюю полемику текстов. В повести Герцен нейтрализует многочисленные мотивы, связанные с чудом и преображением, противопоставляя им человеческий подвиг. В

то же время, трансгендерная метафора, используемая в сюжете, обнажает социальный подтекст, связанный с мыслями писателя о преобразовании действительности. Такое иносказание могло повлиять на художественные произведения Н. Г. Чернышевского и И. С. Тургенева. В то же время для самого А. И. Герцена «Легенда» стала не только ученическим опытом, но и одной из первых попыток биографической рефлексии, которая, предположительно, не только сводилась к осмыслению прошлого, но и подготавливала дальнейший путь писателя.

Таким образом, «Легенда» представляет не только выражение социально-политических и философских взглядов автора, но и является отражением различных сторон культуры и жизни, своеобразным «индикатором» читательского и писательского сознания в эпоху А. И. Герцена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Барт Р.** Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Н. Любимова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. **Бахтин М. М.** Эпос и роман. Формы времени и хронотопа в романе. – СПб.: Азбука, 2000. – 300 с.
3. **Бройтман С. Н., Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И.** Историческая поэтика // Теория литературы: в 2 т. – Т. 2. – М.: Академия, 2004. – 365 с.
4. **Герцен А. И.** Легенда // Собр. соч.: в 30 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1954. – 540 с.
5. **Гёте И. В.** Собр. соч.: в 10 т. / пер. с нем. Е. Вильмонт; под ред. А.В. Михайлова, Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 9: Праздник святого Роха в Бингене. – 466 с.
6. **Гинзбург Л. Я.** Комментарий // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. – Т.1. – М.: Наука, 1954. – С. 475-534.
7. **Гинзбург Л. Я.** О психологической прозе. – Л.: Советский писатель, 1971. – 462 с.
8. **Дрыжакова Е.** Герцен на Западе. В лабиринте надежд, славы и отречений. – СПб.: Академический проект, 1999. – 299 с.
9. **Климова М. Н.** Сюжетика агиографических рассказов о грешных святых // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. – Новосибирск: изд-во СО РАН, 2009. – Вып. 8. – С. 20-41.
10. **Ключевский В. О.** Древнерусские жития святых как исторический источник // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 17–111.

11. **Козлов А. Е.** Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века: основные принципы типологии // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1. – С. 100–115.
12. **Мельникова Г. И.** «Записки одного молодого человека» А.И. Герцена. Замысел и обретение жанровой завершенности. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1998. – 72 с.
13. **Ольшевская Л. А., Травникова С. Н.** Переводная литература и ее значение в истории культуры // Древнерусская литература. – М.: Владос, 2003. – С. 27–44.
14. **Первое** послание к коринфянам св. апостола Павла // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. – М.: Духовное просвещение, 1991. – 620 с.
15. **Прокопьева И. В.** Нарративный источник как явление культуры // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета – 2011. – № 3. – С. 43–53.
16. **Ростовский Д.** Житие и подвиги преподобной матери нашей Феодоры, подвизавшейся в мужском образе // Собр.соч.: в 5 т. – Т. 3. – М.: Синодальная типография, 1840. – С. 301–304.
17. **Тургенев И. С.** Порог // Собр.соч.: в 30 т. – Т. 10. – М.: Наука, 1982. – С. 147–148.
18. **Шмид В.** Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2008 – 312 с.

© E. A. Petuhova, A. E. Kozlov

UDC 821.161.1

A.I. HERZEN'S STORY "LEGEND": STORY, NARRATIVE, INTERTEXT*E. A. Petuhova, A. E. Kozlov (Novosibirsk, Russia)*

The article is devoted to investigation of narrative and intertextuality peculiarities of Herzen's "Legend". This novel was published in 1835 and reflected esthetic and philosophical views of the young writer. The first part of the article contains comparison of Goethe's "The day of st. Rohus" and Herzen's "Legend". It's presented mutual narration model and non-independent apprenticeship type of the novel. In the next part of the article hagiographic plots (by D. Rostovsky, F. Chernigovsky) are researched as original "material" of Herzen's story. The author took formal structure, but he changed a semantic of story. His text has modified story about st. Feodora, so we can call this novel an "experience of secularization and profanation". Then Herzen's fiction story is compared with Chernyshevsky's belletristic and Turgenev's masterpieces. There are common motifs and identical semantic in this context. We can explain that due to Barth's intertextual theory. So, Herzen's plot is anonymous formula that connected different culture layers. The author considers that "Legend" of Herzen allows to describe features of worldview and mentality of readers and writers of 30-40 of XIX century.

Key words: narrative, plot, intertext, classic Russian literature, A. I. Herzen.

REFERENCES

1. **Barthes R.** Selected works. Semiotics. Poetics / tr. from French N. Lubimov. – M.: Progress, 1989. – 616 p.
2. **Bahtin M. M.** The epos and the novel. The form of time and chronotope in the novel. – SPb.: Alfabeta, 2000. – 300 p.
3. **Brojtman S. N., Tamarchenko N. D., T'upa V. I.** Historical poetic// Theory of literature: in 2 vol. – vol. 2. – M.: Academy, 2004. – 365 p.
4. **Herzen A. I.** Legend // Full the collected works: in 30 vol. – vol. 1. – M.: Science, 1954. – 540 p.
5. **Goethe J. W.** The collected works: in 10 vol. / tr. from Deutsch. E. Vil'mont; ed. A. V. Mikhailov. – M.: Imaginative Literature, 1975. – vol. 9: The day of st. Rohus in Bingen. – 466 p.
6. **Ginzburg L. J.** Comments // Herzen A.I. Full the collected works: in 30 vol. – vol. 1. – M.: Science, 1954. – P. 475–534.
7. **Ginzburg L. J.** About psychological prose.– L.: Soviet Writer, 1971. – 462 p.
8. **Dryzhakova E.** Herzen in the West. The labyrinth of hope, destiny and disowning. – SPb.: Academic Project, 1999. – 299 c.
9. **Klimova M. N.** Topics of hagiographical novels about sinful saints// Materials for Dictionary of themes and motifs of Russian literature. – Novosibirsk: SD RAS, 2009. – vol. 8. – P. 20–41.
10. **Kluchevsky V. O.** Old-Russian hagiographic as historical material// Selected works. – M.: ROSSPAN, 2010. – P. 17–111.
11. **Kozlov A. E.** Provincial stories in Russian literature of XIX century: the general principles of typology // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. –2013.–№ 1.– PP. 100–115.

12. **Melnikova G. I.** Herzen's «Notes of one young man». Conception and formation of the genre completion. – Kirov: VSPU Publishing, 1998. – 72 p.
13. **Olshetskaya L. A., Travnikova S. N.** Translated old literature and its role in history of culture // Old-Russian literature. – M.: Vldos, 2003. – P. 27–44.
14. **First** epistle to the Corinthians, st. Paul // Bible. The books of the Old Testament and New Testament. – M.: Spiritual enlightenment, 1991. – 620 p.
15. **Prokopyeva I. V.** Narrative source as the phenomenon of culture// Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin – 2011. – № 3. – PP. 43–53.
16. **Rostovsky D.** Life and deeds of our Venerable Mother Theodora, who labored in man's image // The collected works: in 5 vol. – vol. 3. – M.: The synodal publishing, 1840. – P. 301–304.
17. **Turgenev I. S.** Threshold // Full the collected works: in 30 vol. – vol. 10. – M.: Science, 1982. – P. 147–148.
18. **Schmid V.** Narratology. – M.: Full the collected works, 2008. – 312 p.

Petuhova Elizaveta – the schoolgirl, Secondary school №6, «Gornostay».

Kozlov Alexey – the postgraduate student, Russian literature and theory of literature (sub) department, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru